

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Л.А. ВОСКОБИТОВА

Современная российская юридическая наука и философия разошлись достаточно далеко. Еще сравнительно недавно, в советские времена ни одна теоретическая работа по юриспруденции не обходилась без обращения к положениям марксистско-ленинской философии, в частности, к теории познания. Философия давала методологическую основу построения и теории государства, и теории права, и теоретических положений в отраслевых юридических науках. Категорический отказ от коммунистической идеологии, правильный по сути, привел к тому, что методология марксистско-ленинской философии утратила свое определяющее значение, но никакой другой философской базы юридическая наука не получила. Одновременно с этим фундаментальные перемены в политической и общественно-правовой жизни современной России потребовали столь же фундаментального пересмотра основ правового регулирования изменившихся общественных отношений, а с ним и многих теоретических построений в юридической науке. Для анализа перемен, их осмысления, конструирования новых, адекватных происходящим переменам теоретических представлений о праве, его содержании и роли в современном обществе, о регулировании стремительно меняющихся и усложняющихся общественных отношений необходима и соответствующая философская основа.

Юридическая наука нуждается в новом философском знании. Философское знание позволяет расширить горизонт юридической науки и дает ей необходимую методологическую опору. Но современная философия, погруженная в свои изыскания, не переводит и, скорее всего, не может и не должна самостоятельно переводить полученные знания в поле юридической теории, и тем более в пространство реального правоприменения. А юридическая наука, в том числе уголовно-процессуальная, оказалась погруженной в собственные политико-правовые, скорее прикладные, чем фундаментально-теоретические исследования, оторванной от философской мысли. И чем глубже этот разрыв, тем менее глубокой становится юридическая наука, исследующая, а по большей части просто описывающая явления, но не объясняющая их причины, сущность, природу. Более того, юридическая наука начинает привыкать к такому «бесфундаментному» существованию, и философские основы, оставаясь неведомыми юристам, утрачивают свое бывшее методологическое значение.

В вузах изучению философии отводится весьма незначительное место, явно не соответствующее гуманитарной природе юриспруден-

денции. В юридических науках взаимосвязь с философской основой становится все тоньше. Отсутствие должной философской подготовки сказывается и на качестве подготовки выпускников юридических вузов: препятствует формированию у юристов способности свободно и самостоятельно мыслить, рассуждать логически, находить аргументы и обоснования своим действиям, выводам и решениям, вести научную дискуссию или отстаивать свою позицию в состязательном судебном процессе. Все большее значение получает формально-догматическое толкование и применение права. Правоприменители нередко демонстрируют страх перед нестандартными ситуациями, не укладывающимися в формально определенные рамки текста правовой нормы, и тем более перед необходимостью принять и обосновать свое собственное решение в такой нестандартной ситуации. Из человека творческой профессии, предполагающей независимость и самостоятельность суждений и действий, юрист все больше превращается в чиновника, действующего по инструкции, а когда ее нет, — по указанию вышестоящего должностного лица. Подлинное, философски широкое понимание права во всех его проявлениях и объеме утрачивается, выхолащивая саму суть профессии юриста.

Наиболее остро для меня это проявляется применительно к обсуждению и решению теоретических или практических проблем уголовного судопроизводства, потому что здесь особенно болезненно сказывается любая несправедливость, необоснованность, нарушение права или логики. Поиск путей решения таких проблем пока идет спонтанно, без должного научного и методологического обоснования. В частности, это выразилось в дискуссии об объективной истине в уголовном судопроизводстве, ведущейся последние десять лет и вспыхнувший с неожиданной силой в 2012 г.¹

Для науки уголовного процесса вопрос об истине — не праздный и далеко не новый. В уголовном судопроизводстве сталкиваются два взаимоисключающих, но неразрывно связанных исходных правовых принципа: неотвратимость наказания, в силу чего каждый совершивший преступление должен понести соответствующую меру ответственности, и презумпция невиновности, в силу которой лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Итогом уголовного судопроизводства должен стать безошибочный, и только в этом смысле истинный, вывод об обстоятельствах дела, причастности или непричастности, виновности или невиновности подсудимого. Но есть целый ряд особенностей и ограничений у уголовно-процессуального познания, в силу которых отыскание истины становится весьма затруднительным. Поэтому спор об истине в уголовном процессе имеет столь долгую историю.

В советский период, начиная с 50-х гг., марксистско-ленинская философия дала процессуалистам свою однозначную трактовку вопросов истины, и теория уголовного процесса приняла ее без обсуждений и колебаний, сформировав относительно единое понимание этого вопроса всеми процессуалистами. Сейчас, потеряв внешне четкую и понятную методологическую основу, спор об истине как цели процессуального познания становится нескончаемым и безнадежным. Оппоненты или сохраняют приверженность к советскому варианту марксизма-ленинизма, или аргументируют свои позиции по преимуществу тем, что они «так считают». И эта ситуация, на мой взгляд, объясняется не в последнюю очередь именно утратой единого для всей уголовно-процессуальной науки методологического основания. Не имея такого основания или не признавая и оспаривая основания, используемые отдельными участниками дискуссии, наука превращается в спор о вкусах: одним нравится марксизм, другим он перестал нравиться. Именно на этом строятся все рассуждения и аргументы сторонников теории объективной истины в уголовно-процессуальном познании и их противников. Очевидно, что такой спор далек от научного, и уже в силу этого он практически неразрешим, а теоретически — бесполезен. К сожалению, современная философия во всем многообразии ее мнений и дискурсов или не знакома российским юристам, или представляется столь сложной и запутанной, что ее использование в качестве основы для построения юридических суждений становится невозможным.

Вместе с тем и теория, и практика судопроизводства нуждаются в определенности по таким вопросам как цели и сама возможность познания фактических обстоятельств совершенного преступления в точном соответствии с объективной реальностью. Практическая неопределенность реальности, с которой сталкивается юрист, особенности познания единичных и уникальных событий и его отличие от познания общих закономерностей пока еще далеко не осознаны юридической наукой, и без помощи философии крайне трудно в этом разобраться. Не пустыми остаются и вопросы о критериях правильности познания единичного события прошлого; о соотношении субъективного и объективного в познании вообще и в юридическом познании в особенности; о возможности адекватного перевода знания в слова (тексты) и о соотношении текста, знания и той реальности, в которой произошло единичное событие, ставшее объектом познания. Определенность в понимании таких вопросов невозможно найти, отрывая теоретические исследования в уголовно-процессуальной науке от современных взглядов на философские основы теории познания.

Можно обозначить некоторые ключевые вопросы уголовно-процессуального познания, которые требуют интеграции философских положений в науку уголовного процесса.

Одним из таких вопросов является правильное понимание *объекта* процессуального познания и его особенностей. В самом общем виде можно сказать, что объектом познания в уголовном судопроизводстве является событие преступления и его юридически значимые проявления. Речь идет не о познании общих научных закономерностей явления, а об установлении отдельного единичного факта (совокупности фактических обстоятельств), имеющего индивидуальные характеристики, требующие познания, точного и адекватного реальности. И здесь возникает философская проблема, обозначенная еще Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг». Можно ли применять понятие истины к банальностям, типа «Париж находится во Франции»? Правоммерно ли применять философскую категорию истины не к области научного познания общих явлений, их закономерностей, общих законов бытия и мировоззрения, а к познанию отдельного, единичного и уникального в своих проявлениях события преступления? Юристы разошлись в своих мнениях, и, боюсь, что без помощи философии возникшие разногласия не разрешить.

Другая особенность объекта процессуального познания состоит в том, что данное единичное событие на момент познания уже завершено и осталось в прошлом. Познание его может быть осуществлено только ретроспективно. К моменту познания самого события в реальности уже нет, остались лишь его следы, т.е. отражения данного события в предметах материального мира или в психике его участников или очевидцев. Поэтому познание такого события возможно лишь путем *реконструкции его образа* или представления о нем и его фактологических характеристиках. Но по каким методологическим закономерностям может осуществляться такого рода познание? Казалось бы, можно провести аналогию с познанием в исторической науке, которая пользуется определенными источниками и по ним восстанавливает картины прошлых событий. Полученное историческое знание может уточняться, дополняться или опровергаться, и ошибка историка — это лишь ступенька в познавательном процессе. Но в юридическом познании результат сразу же приобретает прикладное значение и незамедлительно влечет применение права со всеми вытекающими последствиями. По каким гносеологическим законам должно осуществляться такое ретроспективное и реконструктивное познание, и что может служить критерием его истинности (а может быть, точнее, говорить о правильности или достоверности, и не употреблять понапрасну термины «истина», «объективная истина», «относительная и абсолютная истина»)?

Третья особенность обусловлена тем, что в уголовно-процессуальном познании крайне ограничены возможности непосредственного восприятия субъектом познания объекта познания. Преобладает опосредованный способ его познания. Ввиду этого исключительное

значение приобретают средства познания, с помощью которых субъект познания может получить информацию для формирования правильного и полного представления об этом событии прошлого. Здесь практически исключена возможность получения знания о событии преступления путем эксперимента или искусственного создания его аналога, дубля. В этой же связи важная, если не определяющая, роль в уголовно-процессуальном познании принадлежит логическому познанию².

Формальная логика дает некоторые законы познания события преступления путем правильного построения умозаключений из имеющихся посылок. Дедукция позволяет, например, из общего знания права, теоретических положений учения о составе преступления, знания отдельных норм уголовного права узнавать в частном случае некоего события признаки преступления, отдельные элементы его состава и признаки проявления каждого из них. В итоге познаются далеко не все обстоятельства этого события, а только *юридически значимые* обстоятельства и их необходимая совокупность. Индукция позволяет из частных проявлений отдельного события делать логические выводы и утверждения о событии в целом, о причастности конкретного лица к совершению данного преступления и т.п. В итоге из отдельных и разрозненных фрагментов знания должен быть «искусственно» сформирован цельный и непротиворечивый образ события. Но соответствие его реальной действительности требует самостоятельного обоснования, при том что позиции сторон в ходе производства по делу могут диаметрально различаться, доказательства могут вступать в противоречия или вызывать сомнения и не давать достаточного основания для итогового вывода. Формальная логика далеко не всегда может служить единственным и достаточным основанием для решения юридических вопросов. Поэтому вновь возникает необходимость в более широком философском основании для познания такого рода и обсуждения вопроса о критериях правильности такого познания.

Четвертая особенность объекта процессуального познания обусловлена двойственностью самой его природы, включающей как область реальных событий, так и область их юридической значимости (сущности). *Внешняя*, явленная сторона этого объекта обусловлена и выражена *фактическими обстоятельствами*, его «событийным» рядом. Эта сторона имеет собственное *объективное* содержание, не зависящее от сознания познающего субъекта. Но *полнота выявления и правильность фиксации* этого объективного содержания в процессе познания в значительной мере зависит от субъекта познания, его правосознания, его профессиональных навыков и действий.

Внутренняя (сущностная) сторона объекта процессуального познания обусловлена юридическим значением данного события или его

отдельных проявлений. Преступный характер события, его конкретные уголовно-правовые признаки, образующие состав преступления, предписаны уголовным законом и составляют юридическую сущность данного события. Поэтому, во-первых, познающий субъект не получает событие объективной реальности в готовом виде со всеми его юридическими характеристиками и проявлениями его преступного характера³. Сам субъект активно участвует в формировании объекта познания. Во-вторых, процессуальная задача субъекта познания состоит в том, чтобы выявить лишь юридически значимые обстоятельства, ничего не упустив и не исказив, при том что внешние проявления преступного события многогранны и разнообразны, предметом процессуального познания становится только часть из них. Многие характеристики не имеют юридического значения, поэтому они сознательно не включаются в поле зрения познающего субъекта. Отдельные характеристики могут иметь юридическое значение, но по тем или иным причинам не попадают в поле его зрения. И отбор юридически значимого, его отделение от иных обстоятельств осуществляет сам субъект познания. Он отбирает то, что имеет юридическое значение, и только из отобранной им информации выстраивает в своем сознании образ совершенного преступления. И сам реконструированный образ события как результат познания, и правильность юридических оценок также в значительной мере зависят от субъективных качеств познающего субъекта: его знания норм права, профессиональных навыков, уровня правосознания и других его характеристик. И здесь также требуются философские основы различения познания в области точных или естественных наук и познания в области гуманитарных наук, имеющих дело с иной «объективной реальностью».

При таких особенностях объекта уголовно-процессуального познания юристу крайне сложно методологически понять и практически разделить и противопоставить объект и субъект познания. Субъект познания привносит в этот процесс существенный элемент своей субъективности. Он не бесстрастно и механически отражает (фотографирует, копирует в своем сознании) объект, как это понимала советская теория доказательств⁴. Он активно формирует этот объект, включая в него и знания о фактах (объективное начало), и свое понимание их юридической сущности (субъективное начало). На каких философских основаниях должно строиться исследование всех этих особенностей юридического познания, чтобы юридическая теория могла предлагать и законодателю, и правоприменителю верные пути и рекомендации?

Мне представляется, что нахождение философского основания для понимания обозначенных проблем позволит понять и объяснить всю важность и методологическое значение *состязательности* как способа

процессуального познания такого специфического объекта, каким является преступление. Представление суду различных взглядов на отношение к делу тех или иных обстоятельств, на совокупность юридически значимых фактов, предложение различных правовых оценок тех или иных фактических обстоятельств нельзя рассматривать как дань моде или требованиям времени. Состязательность сторон в сочетании с объективностью, независимостью, беспристрастностью суда создают реальные условия для всесторонности, полноты и глубины познания при формировании фактической основы правоприменительного решения. Иного, более эффективного способа познания юридическая наука и практика пока не нашли.

Особенности уголовно-процессуального познания порождают и учение о доказательствах как средствах познания, а также о гарантиях правильности познания. По своей природе средствами познания прошедшего события могут быть только *следы*, оставленные этим событием в объективной реальности. Событие может отражаться в материальном мире в виде следов, повреждений, разрушений и т.п. Событие может быть субъективно «отражено» в сознании лиц, участвовавших в нем, его наблюдавших, о нем слышавших, видевших его последствия и т.п. Именно эти материальные и психические *следы* могут быть использованы как *средства познания*, с помощью которых у субъекта познания появляется возможность логически воссоздать в своем сознании образ произошедшего. Они и приобретают в уголовном процессе значение *доказательства*.

Вместе с тем следует учитывать, что далеко не каждый след может быть использован для познания события. Правильность познания гарантируется только в том случае, когда след преобразуется в процессуальную форму доказательства, содержит информацию о фактах, относящихся к делу, а также временные, пространственные и причинные связи информации с исследуемым событием; указывает на ее подлинность и правдивость. Гарантией отбора только таких «доброкачественных» следов становится особая процессуальная форма получения такой информации. Соблюдение процессуального порядка получения доказательственной информации придает ей правовое значение и право быть использованной в доказывании фактических обстоятельств дела.

На этой методологической основе сформировано представление о видах доказательств и о требованиях, предъявляемых к каждому из них; разработана классификация доказательств и определены критерии оценки их доказательной ценности. Это задает определенные правила собирания, проверки и оценки доказательств. При этом сама проблема *отражения* сознанием человека объективного мира до сих пор не была предметом достаточных, специальных философско-правовых исследований. Юристы используют как догму

утверждение о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи. Поэтому в уголовно-процессуальной науке не проводится особого различия между отражением события преступления в материальном, вещном мире и отражением его в сознании человека. Показания, вещественные доказательства, заключения эксперта и другие «отражения», «следы» давно стоят в одном ряду, называемом «доказательства». А закон устанавливает правило, что никакое доказательство не имеет заранее установленной силы и преимуществ. Без философских основ понимания отражения, соотношения в нем объективного и субъективного, проявления субъективного в самом процессе отражения, в его избирательности и в его познавательном результате, невозможно дальнейшее развитие процессуальной теории доказывания, а вместе с тем и правильное реформирование законов, регулирующих его.

Представление о доказывании как процессуальной форме познания в уголовном судопроизводстве, в свою очередь, формирует и понимание *целей познания*, а также вытекающих из этих целей представлений о возможном и необходимом для правильного познания объеме процессуальных полномочий участников этой познавательной деятельности, о гарантиях правильности познания и ответственности за его результаты. В отличие от научного познания, цель доказывания в уголовном судопроизводстве имеет *сугубо прикладное значение*. Доказывание не призвано находить неизвестные ранее явления природы, их закономерности и взаимосвязи. Уголовное судопроизводство возникает и осуществляется в связи с конкретным преступлением. Учитывая уникальность, индивидуальность проявления каждого отдельно взятого преступления, *цель уголовно-процессуального познания всегда конкретна* и обусловлена фактологическими характеристиками данного события, образующего объект познания.

Принимая во внимание, что данное событие становится объектом познания не само по себе, а в его значении юридического факта, порождающего правоотношения, целью доказывания охватывается установление *только юридически значимых характеристик данного объекта*. Из этого следует, что с методологической точки зрения доказывание как познание в уголовном судопроизводстве не является собственно познанием как таковым, в смысле отражения в сознании познающего той реальности, которая существует вне его сознания. Процессуальное познание всегда направлено лишь на то, чтобы обеспечить правильное и полное установление обстоятельств, составляющих фактическую основу дела, юридически значимых и достаточных для принятия законного и обоснованного правоприменительного решения.

В законодательных актах цель доказывания не регулируется, а в современной теории уголовного процесса идет острая и непримиримая

дискуссия о том, может ли быть такой целью «установление объективной истины»⁵. К сожалению, анализ современных философских оснований понимания данной проблемы в этой дискуссии не нашел отражения, а аргументы, приводимые со ссылкой на марксистско-ленинскую философию уже звучат неубедительно. Между тем в юридической науке так и остаются без единообразного понимания вопросы о том, может ли цель юридического познания быть единой у субъектов, представляющих разные процессуальные интересы и несущих в этой связи разные процессуальные обязанности? А если цели тоже разные, то может ли в результате такого познания быть получена истина как единственно правильное для всех субъектов знание? Может ли суд, разрешающий спор обвинения и защиты, сам участвовать в поисках истины или быть ответственным за ее установление? Эти и другие подобные вопросы, имеющие сугубо практическое, прикладное значение, не так просты, и ответы на них не так очевидны, как может показаться на первый взгляд. Для ответа на эти вопросы необходим совместный поиск философской и юридической науки, учитывающий и методологию, и психологию, и юридическую теорию, и реальную процессуальную практику.

А пока ученые спорят и ищут ответы на эти очень непростые вопросы, Следственный Комитет РФ весной 2012 г. выступил с законодательной инициативой. Он предложил законопроект о закреплении в УПК целого ряда норм, предусматривающих необходимость установления истины по делу, возложения на суд обязанности обеспечивать ее достижение и даже нести ответственность за это⁶. Многие нормы этого законопроекта, по сути, возвращают нас к советскому периоду понимания и регулирования этого вопроса. Они не учитывают принципиально иную концепцию действующего УПК РФ, не обеспечивают необходимой согласованности и системности уголовно-процессуального регулирования. И к современным философским представлениям о теории познания, о возможностях человеческого познания эти предложения никакого отношения не имеют. Но в этом законопроекте есть одно уникальное предложение: закрепить в тексте закона (в п. 22.1 ст. 5 УПК РФ) императивное и безапелляционное определение объективной истины, которое, может быть, пригодится философии, чтобы уже навсегда покончить с вопросом, мучившим мыслителей разных времен и народов. Авторы законопроекта полагают, что «*объективная истина — соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения*». И это предложение, прозвучавшее от некоторых юристов, может быть, следует рассматривать как самое убедительное приглашение к началу серьезного и длительного научного сотрудничества юристов и философов по обозначенным здесь и многим другим вопросам юридической и философской теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. дискуссию, организованную журналом «Библиотека криминалиста» (2012. № 4 (5). С. 5 – 288).

² По вопросам логики доказывания см., например: *Эйсман А.Л.* Логика доказывания. – М., 1972. Эта работа до настоящего времени сохраняет свою актуальность и значение.

³ На это еще в 60-е гг. прошлого века указывал В.Я. Дорохов в работе «Теория доказательств в советском уголовном процессе» / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд. – М.: Юридическая литература, 1973. С.117 и др.

⁴ См., например: *Трусов А.Н.* Основы теории судебных доказательств. – М.: Юридическая литература, 1960. С. 20 – 22; Теория доказательств в советском уголовном процессе С. 35 и далее; *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. С. 33 – 34 и др.

⁵ См., например, материалы дискуссионной трибуны (Библиотека криминалиста). 2012. № 4 (5). С. 5 – 280.

⁶ См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации. – URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (дата последнего обращения 21.08.2012). Этот проект вызвал активное обсуждение (см.: *Смирнов Г.К.* Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10 – 17; Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6. С. 17 – 27; *Александров А.С.* Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66 – 73 и др.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы восстановления утраченных связей между юридическими науками и философией. Ставится вопрос об интеграции положений современной теории познания в уголовно-процессуальную науку и теорию доказывания, которые все еще вынуждены опираться на представления, сформированные марксистско-ленинской теорией познания. Показаны проблемы процессуального познания, для решения которых требуются разработки и достижения современной философии.

Ключевые слова: юридические науки и философия, теория познания и теория доказывания, объект процессуального познания, средства познания, цели познания, истина, объективная истина, интеграция философского знания в юридическую науку.

Summary

In this article the author depicts the issue of lost interrelation between the legal sciences and philosophy. The proposal is made to integrate the provisions of modern cognitive theory into the science of criminal procedure and the theory of proof which is still bound by the concepts formed under Marxist-Leninist cognitive theory. Several problems of procedural cognition are demonstrated for solution of which new developments and achievements of modern philosophy should be applied.

Keywords: legal sciences and philosophy, cognitive theory and the theory of proof, procedural cognition subject, cognitive tools, objective of cognition, truth, objective truth, integration of philosophic cognition into the legal science.